

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему **«ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И
ЗА РУБЕЖОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»**

Выполнил

Халявин Роман Андреевич,

обучающийся по специальности

40.05.02

Правоохранительная деятельность

2021 года набора, 121 учебного взвода

Руководитель

старший преподаватель кафедры

Ильясова Регина Ришатовна

К защите _____
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____ В.С. Латыпов

Дата защиты «___» _____ 2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Правовые основы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.....	6
§ 1. Международные стандарты обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.....	6
§ 2. Конституционные основы правового регулирования мер безопасности участников уголовного судопроизводства.....	11
Глава 2. Процессуальные меры, обеспечивающие безопасность участников уголовного судопроизводства: теоретические и правоприменительные проблемы.....	16
§ 1. Процессуальные меры, обеспечивающие безопасность участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: понятие и классификации.....	16
§ 2. Порядок применения мер безопасности к участникам уголовного процесса: процессуальные аспекты.....	23
§ 3. Особенности правового регулирования мер безопасности в зарубежном уголовном процессе.....	31
Заключение.....	42
Список использованной литературы.....	45

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства является неотъемлемым условием эффективного функционирования уголовного судопроизводства и гарантией реализации принципа состязательности сторон. Возможность лиц, обладающих значимой информацией, свободно и без опасения за свою жизнь, здоровье и благополучие близких давать показания, напрямую предопределяет качество предварительного расследования и справедливость судебного решения. Так, актуальность исследуемой проблемы исторически была детерминирована ростом организованной преступности в 1990-е годы, которая, используя методы запугивания и физического воздействия, системно парализовала работу следственных органов. При этом отсутствие законодательно закреплённого механизма защиты свидетелей и потерпевших не только препятствовало раскрытию общественно опасных преступлений, но и подрывало основы публичного доверия к государству как к гаранту безопасности.

В связи с этим ответом на этот вызов стало формирование в Российской Федерации специализированного правового института, сопровождающегося принятием Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹, которым заложил современную законодательную базу для применения мер безопасности. Однако, как показывает практика реализации Государственной программы защиты (94 тыс. мер в отношении 39 тыс. лиц за 2006-2022 гг.), результат института остается ограниченным на фоне реальной потребности². Быстрое развитие преступности,

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 31 июля 2004 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 авг. 2004 г. // Рос. газ. – 2004. – 25 авг.

² Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024 – 2028 годы: постановление Правительства РФ от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 38. Ст. 6901.

ее совершенствование и цифровизация методов противодействия постоянно актуализируют необходимость оптимизации механизмов безопасности.

В этой связи комплексное исследование развития и современного состояния института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства представляет значительный научный и практический интерес, поскольку позволяет выявить системные проблемы, требующие оперативного решения.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Предмет исследования включает в себя совокупность норм российского и зарубежного законодательства, регламентирующих основания, порядок и меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Целью исследования является комплексный анализ эволюции, современного состояния и перспектив развития института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в России и за рубежом, направленный на выработку предложений по его совершенствованию.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

1. Провести анализ международно-правовых стандартов и принципов в области защиты участников судопроизводства, а также соответствующего законодательства ряда зарубежных стран;
2. Исследовать сущность и сформулировать определение процессуальных мер безопасности;
3. Определить поводы и основания для назначения, продления и отмены мер государственной защиты;
4. Разработать классификацию процессуальных и непроцессуальных мер государственной защиты;

5. Выявить и проанализировать проблемные аспекты реализации мер безопасности, связанные с обеспечением баланса интересов стороны обвинения и защиты.

Теоретической основой настоящей магистерской диссертации составили работы таких ученых и исследователей, как В.А. Азарова, А.Я. Баева, Л.В. Брусницына, М. Владимирофф, А.Ю. Епихина, Е.В. Жарикова, О.А. Зайцева, Е.И. Замылина, А.И. Ковлера, В.И. Крайнова, О.В. Левченко, П.А. Lupинской, Н.В. Макеевой, Е.Ф. Мельниковой, А.В. Мишина, М.В. Новиковой, В.Т. Томина, И.В. Харитоновой, Н.В. Щедрина, А.А. Юнусова, а также работы других исследователей в области процессуального права.

Нормативную и эмпирическую основу исследования составили Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы, постановления Правительства Российской Федерации, приговоры судов субъектов Российской Федерации, а также уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран.

Методологическую основу дипломной работы составляет комплекс общенаучных (диалектический метод, метод анализа и синтеза, системно-структурный метод, формально-логический метод) и частно-научных (формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, статистический метод) методов познания, применение которых позволило всесторонне исследовать институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в России и за рубежом.

Структура дипломной работы определена задачами настоящего исследования и включает в себя введение, две главы, объединяющие пять параграфов, заключение и список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Международные стандарты обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства

В современном мире невозможно обнаружить государство, чей правопорядок в неизменном виде относился бы к классической романо-германской или англо-саксонской правовой семье. Наоборот, наблюдается повсеместное формирование правовых систем смешанного типа, что является прямым следствием активного заимствования международных стандартов и принципов правовых институтов. Однако этот процесс не всегда гарантирует эффективность, примером чему является интеграция немецкой модели шеффенского суда (с участием непрофессиональных судей) в советскую судебную систему, которая подверглась серьезной критике в научной доктрине за формальность и недостаточную адаптацию к местным социально-правовым условиям. При этом весьма успешным оказалась адаптация института суда присяжных заседателей, характерного для англо-американской правовой семьи. Очевидно, данные примеры свидетельствуют, что успешность заимствования тех или иных правовых институтов зависит не от исходной принадлежности их, а от степени гармонизации с национальной правовой культурой, уголовно-процессуальными основами и общественными отношениями.

Указанные процессы являются составной частью масштабного явления правовой унификации, которая преследует цель не уничтожения уникальности национальных правопорядков, а создания общего правового языка и снятия барьеров для международного сотрудничества. Как верно отмечается в литературе, унификация призвана минимизировать препятствия на пути взаимодействия государств, что в конечном итоге способствует развитию национальных правовых норм через диалог, а также заимствованию положительного опыта. В этом контексте особую значимость приобретает

изучение международных стандартов, выступающих в роли базовых ориентиров для национального нормотворчества. В области уголовного судопроизводства, и, в частности, обеспечения безопасности его участников, эти стандарты закладывают универсальный фундамент, на котором базируется правовые институты.

История становления международно-правовых гарантий безопасности участников уголовного процесса начинается с середины XX века¹. Условно все международные акты можно разделить на две группы:

1. Общие, провозглашающие фундаментальные права и свободы человека (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.², Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.³, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁴);
2. Специальные, непосредственно регулирующие меры защиты конкретных категорий лиц (свидетелей, потерпевших и др.).

Несмотря на общность, положения таких документов, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., выступали в виде определенного прототипа, провозгласив высшей ценностью личность и незыблемость её прав, что создало идеологическую основу для последующей детализации. Последующие акты, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах, расширили возможности, введя, например, возможность проведения закрытого судебного заседания для защиты интересов правосудия или частной жизни.

¹ Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В. Процессуальные и криминалистические механизмы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: монография. М., 2020. С. 35.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – 5 апр.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 8 янв.

Практика применения данных стандартов, особенно в рамках Европейского суда по правам человека, выявила их сложный, зачастую конфликтный характер. Так, обеспечивая реализацию принципа публичности и необходимости защиты свидетеля, государство должно придерживаться подхода, в соответствии с которым закрытый судебный процесс должен оставаться крайней мерой. Кроме того, особое значение приобретают стандарты в контексте экстрадиции. Так, сформулированный в деле «Сёринг против Великобритании» (1989 г.) «принцип Сёринга» запрещает выдачу лица, если существуют реальные основания полагать, что оно подвергнется пыткам или бесчеловечному обращению в запрашивающем государстве. Этот принцип был воспринят судами различных стран (Канады, Великобритании), что свидетельствует о его универсальной значимости¹. Однако его применение остается избирательным, как показывает уголовное дело Джулиана Ассанжа, где вопрос экстрадиции тесно переплетен с политическими оценками его деятельности². Отсюда следует, что неоднородность судебной практики подчеркивает, что реализация данных стандартов может существенно варьироваться под влиянием политических, экономических и иных внеправовых факторов.

Таким образом, современный этап развития института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в национальных правовых системах неразрывно связан с процессами глобализации и унификации права. Международные стандарты, сформировавшиеся в ключевых универсальных и региональных актах, создают единую нормативную базу,

¹ Постановление ЕСПЧ от 17.01.2012 по делу «Отман (Абу Катада) (Othman (Abu Qatada) против Соединенного Королевства» (жалоба № 8139/09). По делу обжалуется решение о высылке гражданина в другое государство, где он был заочно осужден за преступления, связанные с заговором с целью организации взрывов. По делу требования статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод нарушены не были. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=288026&ysclid=ltu8t3r9hw5117246#kdVNC7UCKy22vw0f1> (дата обращения: 10.10.2025).

² Статья о деле Дж. Ассанжа в газете The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2024/02/19/opinion/julian-assange-extradition-espionage.html> (дата обращения: 19.10.2025).

задающее минимальный уровень гарантий. При этом анализ примеров внедрения, а также противоречивой судебной практики по применению стандартов подтверждает, что правовая интеграция представляет собой сложный процесс, который ориентирован на обеспечение совместимости принципов с национальной правовой системой. Поэтому дальнейшее совершенствование механизмов безопасности в национальном уголовном процессе должно базироваться на критическом анализе как международных стандартов, так и собственного исторического аспекте их развития.

Если общие международные акты создают фундаментальную основу прав человека, то специальные международные документы непосредственно формируют конкретные стандарты в области обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Их анализ позволяет синтезировать ключевые принципы, создавая международно-правовую базу защиты потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих правосудию.

Центральное место среди специальных международных принципов занимает принцип эффективной защиты от угроз, закрепленный в ключевых антикоррупционных и антикриминальных конвенциях. Так, Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (ст. 32, 33)¹ и Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г. (ст. 24, 25) обязывают государства принимать в рамках своих правовых систем все возможные меры по защите соответствующих лиц от вероятного запугивания или мести. Комитет ООН против пыток в своей устойчивой практике (дела Эннаам Асфари против Марокко, Бендиб против Алжира и др.) интерпретирует аналогичную норму ст. 13 Конвенции против пыток 1984 г. как обязанность государства создавать безопасные условия для подачи жалоб и проведения расследований, исключаящие давление на заявителей.

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/?ysclid=luolorllia_742239237 (дата обращения 29.10.2025).

Развитием этого принципа является комплексный подход к защите, включающий как процессуальные, так и внепроцессуальные меры. Рекомендация Комитета министров Совета Европы R (2005) 9 дает важные определения, разделяя отдельные «меры по защите» и целостные «программы защиты». Также она формулирует базовые ориентиры по установлению уголовной ответственности за запугивание, обеспечению возможности дачи показаний без давления, а также соблюдению баланса с правами защиты, что свидетельствует о системном характере защиты.

Важнейшим компонентом международных стандартов признается необходимость обеспечения прав жертв преступления. Так, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений 1985 г. определяет понятие «жертва», а также закрепляет ее право на доступ к правосудию, компенсацию, информацию о ходе разбирательства и необходимую социальную, психологическую и медицинскую помощь¹. Далее принцип компенсации получает свое развитие в Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 г., которая определяет пределы для национальных систем возмещения, признавая его восстанавливающую и стимулирующую функцию. Кроме того, Рекомендация Совета Европы R (85) 11 прямо ставит потребности потерпевшего в центр уголовного процесса, требуя от государств обеспечить его защиту и информирование.

Особую значение эти стандарты приобретают в контексте международного уголовного правосудия. Так, Римский статут Международного уголовного суда и его Правила процедуры и доказывания предоставляют потерпевшим беспрецедентные процессуальные права участия, что, с одной стороны, усиливает их позиции, а с другой, очевидно, повышает риски. Практика международных трибуналов демонстрирует «цену»

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения 03.10.2025).

свидетельствования в условиях продолжающихся конфликтов. Убийства свидетелей, их исчезновения или отказы от данных показаний (ярко проявившиеся в процессе над членами «Атлантической бригады» АОК) свидетельствуют о том, что даже самые совершенные правовые гарантии могут быть нейтрализованы внеправовыми факторами¹.

Таким образом, современное развитие института безопасности участников процесса представляет собой совокупность универсальных международных стандартов и национальной правовой специфики, призванной создания общего правового института для обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Дальнейшее совершенствование национальных механизмов защиты должно основываться на адаптации международных стандартов с учетом социально-правовых предпосылок, исторического опыта и реальных возможностей правоприменителя.

§ 2. Конституционные основы правового регулирования мер безопасности участников уголовного судопроизводства

Формирование и функционирование любого правового института детерминировано системой целей, задач, свойств, а также основополагающих принципов, составляющих его нормативную базу. При анализе института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства таким концептуальным фундаментом выступают положения Конституции Российской Федерации 1993 г.² Весьма справедливо указывает Ф.Ф. Зарипов, исследование в данной области должно исходить из базовых конституционных установок,

¹ Баумгартнер Э. Участие потерпевших в судопроизводстве Международного уголовного суда // Международный журнал Красного Креста. 2008. № 870. С. 282.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 1 июля 2020 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 1.

закрепляющих принципы правового государства¹. Историко-правовое сравнение с Конституцией СССР 1977 г. демонстрирует радикальную трансформацию парадигмы, а именно если в советской модели права личности были вторичны по отношению к интересам государства, то действующая Конституция Российской Федерации провозглашает права и свободы человека высшей ценностью, возлагая на государство обязанность их признания, соблюдения и защиты (ст. 2). Полагается, что данный подход стал результатом глубокого осмысления отечественного исторического опыта и прямой адаптации идей Всеобщей декларации прав человека, реализующейся сначала в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г., а затем и в главе 2 Конституции российской Федерации. Закрепленный в Преамбуле Декларации принцип, согласно которому высшей ценностью общества является «свобода человека, его честь и достоинство», лег в основу нового конституционного строя.

Конкретным выражением данной ценностной иерархии выступает комплекс прав, гарантирующий личности защиту от произвола в уголовном судопроизводстве. Как отмечает А.В. Красильников, ключевое значение имеют ст. 20-24 (право на жизнь, достоинство, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни), 46-52 (право на судебную защиту, законный суд, квалифицированную юридическую помощь, презумпцию невиновности и др.)². Согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации, непосредственно данные права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность всех ветвей власти, а также выступают главным ориентиром правового развития. Их особая значимость подчеркивается нормой ч. 3 ст. 56, которая запрещает отменять или умалять права участников уголовного процесса даже в условиях введения

¹ Зарипов Ф.Ф. Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук, Саратов. 2021. С.18.

² Красильников А.В. Безопасность участников уголовного судопроизводства: правовое регулирование и субъекты обеспечения // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 68.

чрезвычайного положения. При этом государственная обязанность по созданию условий для реализации этих прав (ст. 2 Конституции Российской Федерации) конкретизируется в ст. 45 и 46, гарантирующих каждому судебную защиту его прав и свобод, а также право на обжалование решений и действий (бездействия) государственных органов. Однако сама возможность эффективного использования указанных механизмов напрямую зависит от безопасности лица, обращающегося за защитой. Таким образом, обеспечение безопасности перестает быть технической или процессуальной задачей, тем самым становясь фундаментальной конституционной гарантией.

Основными принципами, от эффективности которых зависит и состояние безопасности в процессе, являются состязательность и равноправие сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации). Как отмечает Л.Ф. Шумилова, нарушение принципа равноправия, например, посредством создания дисбаланса в доступности квалифицированной юридической помощи для потерпевшего и обвиняемого или путем оказания давления на одну из сторон, неминуемо ведет к эрозии состязательности¹. Участник, находящийся под угрозой, не может активно и полноценно отстаивать свою позицию, что превращает судопроизводство в формальность. Отсюда следует, что меры безопасности являются неотъемлемым элементом обеспечения реального действия данных конституционных принципов.

Вместе с тем развитие законодательной базы, непосредственно регулирующей меры государственной защиты, стало практическим воплощением указанных конституционных установок. Так, необходимость его формирования была осознана в начале 1990-х годов в связи с резким ростом организованной преступности, создавшей реальную угрозу для судей, потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процессов. Как отмечает А.В. Мишин, этот вопрос был обозначен уже в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г., где безопасность участников процесса

¹ Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 54.

рассматривалась как ключевое условие эффективного правосудия¹. При этом Концепция предусматривала не только создание специализированных подразделений (судебной милиции), но и архитектурно-планировочные решения для зданий судов, включая изолированные помещения для свидетелей и отдельные входы. Далее принятие ряда федеральных законов заложило основу системы государственной защиты, установив обязанность правоохранительных органов применять меры безопасности при наличии угрозы. Вместе с тем отдельный комплекс нормативного регулирования был посвящен защите особых категорий лиц (судьи, прокуроры, следователи). Также на основе федерального законодательства разрабатывались и соответствующие региональные правовые акты².

Современным этапом развития системы признается реализация целевых государственных программ, таких как действующая на 2024-2028 г. Данные программы, будучи ориентированы на финансовое и материально-техническое обеспечение защиты, представляют собой инструмент практической реализации конституционных гарантий, действующий наряду со специальным отраслевым законодательством и призванный обеспечить принцип равенства защищаемых лиц, повысить эффективность превентивных мер в борьбе с преступностью.

Таким образом, Конституция Российской Федерации выполняет в исследуемой сфере системообразующую и ценностно-ориентирующую функцию. Ее нормы, провозглашающие приоритет прав человека, гарантии судебной защиты и принципы справедливого судопроизводства, образуют механизм, который определяет цели, смысл и границы правового регулирования мер безопасности участников уголовного судопроизводства. Все последующее

¹ Мишин А.В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: монография / под ред. В.Н. Григорьева. М., 2023. С. 24.

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству: закон Республики Башкортостан от 14.10.1994 года № ВС-25/50. [Электронный ресурс]. URL: <https://legislation.su/ru/r02/id4429/> (дата обращения: 12.11.2025); Об утверждении Положения о мерах социальной защиты и материального стимулирования граждан, способствовавших раскрытию преступлений, совершенных преступными организованными группами: распоряжение Правительства Москвы от 28.08.1996 г. № 791. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3601107/titles/6540IN> (дата обращения: 12.11.2025).

законодательное развитие и практическая деятельность правоохранительных органов в этой области являются производными от необходимости создать условия для полноценной реализации конституционных прав и свобод, без чего невозможно построение правового государства.

ГЛАВА 2. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ БЕЗОПАСНОСТЬ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

§ 1. Процессуальные меры, обеспечивающие безопасность участников уголовного судопроизводства в РФ: понятие и классификации

Переходя от анализа нормативной базы к исследованию уголовно-процессуального порядка реализации защитных механизмов, представляется необходимым детально рассмотреть эволюцию и современное состояние теоретических представлений о мерах безопасности.

Проблема выработки точной дефиниции понятия «процессуальные меры безопасности» не является новой, поскольку до сих пор не сформировано четкое законодательное представление, что порождает научные дискуссии о содержательном наполнении термина и его соотношении со смежными категориями – «мерами защиты» и «мерами обеспечения». Так, в конце XX века Н.В. Щедрин констатировал, что в научном обороте данные понятия зачастую используются как синонимы, что свидетельствует о начальном этапе формирования теории данного института, который изначально рассматривался как специальная группа мер принуждения¹. Эта терминологическая неопределенность, как верно отмечает Н.В. Макеева, стала краеугольным камнем всей проблемы, возникая из перечневого метода формулирования, который преобладает над содержательным определением не только в контексте мер безопасности, но и других процессуальных институтов (мер пресечения, процессуального принуждения)². Общей их чертой является основанность на

¹ Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография / Краснояр. гос. ун-т. 1999. С.19.

² Макеева Н.В. Понятие и классификация мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2008. № 1 (15). С. 116.

властном решении уполномоченного лица о совершении определенных действий.

Актуальность данной проблемы, выражающейся в несостоятельности легальных определений, сохраняется и сегодня, что подтверждается в работах современных ученых, таких как А.Ю. Епихин и М.М. Богинский¹. Действительно, анализ Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Федеральный закон № 119-ФЗ) и Федерального закона № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – Федеральный закон № 45-ФЗ)² выявляет их содержательную несостоятельность. Федеральный закон № 119-ФЗ определяет меры безопасности лишь через указание на направленность на защиту жизни, здоровья и имущества, а Федеральный закон № 45-ФЗ, выступает в качестве разновидности государственных мер защиты, применяемых при наличии угрозы. Подобные дефиниции носят тавтологичный и чрезмерно широкий характер, не раскрывая юридической природы, оснований и процессуальной формы данных мер, что создает дискуссии в научном пространстве и сложности в правоприменительной практике. При этом отсутствие же конкретизации в уголовно-процессуальном законодательстве и подзаконных актах лишь усугубляет ситуацию, делая обращение к доктринальным разработкам обязательным.

В научной литературе сформировался ряд подходов к пониманию мер безопасности. Классическое определение Н.В. Щедрина, трактующее их как «мероприятие или средство защиты, охраны, ограждения от опасности», задало общее направление, которое было развито последующими исследователями³.

¹ Епихин А.Ю., Богинский М.М. Системное содержание уголовно-процессуальных и иных мер безопасности как средство нейтрализации противоправного воздействия на уголовное правосудие // Вестник. Государство и право. 2022. № 3 (34). С.45.

² О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 марта 1995 г. // Рос. газ. – 1995. – 25 апр.

³ Щедрин Н.В. Указ. соч. С.19.

Так, Ф.Ф. Зарипов акцентировал их превентивную сущность и возможность как гласного, так и негласного характера при условии строгой процессуальной регламентации¹. Наиболее комплексный и влиятельный подход предложил Л.В. Брусницын, определивший меры безопасности как «предохранительные межотраслевые правовые механизмы», реализация которых может выходить за рамки уголовного процесса и которые направлены на защиту лиц, не наделенных властными полномочиями, от посткриминального воздействия². Эта позиция, ставшая доминирующей, была существенно дополнена А.Ю. Епихиным и М.М. Богинским, которые справедливо указали на необходимость закрепления мер в конкретной правовой форме, подчеркнув их формализованный, а не произвольный характер. Также, критикуя узко правовой подход Л.В. Брусницына, О.Л. Журба и Я.В. Лысенко обоснованно расширили понятийный аппарат, включив в него социальные, организационные и технические меры, что отражает комплексный характер современной системы безопасности³.

Для формулирования полного определения принципиальное значение имеет выделение отличительных признаков мер безопасности. Синтез научных позиций, в частности работ А.Ю. Епихина, А.В. Мишина и Н.В. Макеевой, позволяет выделить следующую систему таких признаков:

1. Нормативная регламентированность, что обуславливает применение мер в стром регулировании законодательными и иными правовыми актами;
2. Специальный субъектный состав, определяющий приоритетным направлением защиту конкретных участников (в том числе потенциальных) уголовного судопроизводства;

¹ Зарипов Ф.Ф. Понятие, виды и алгоритм применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 31.

² Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. С.125.

³ Журба О.Л., Лысенко Я.В. Понятие и сущность института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 2. С. 271.

3. Превентивно-профилактическая цель, свидетельствующая о том, что основной задачей является предупреждение и предотвращение реальных угроз, а не реагирование на уже совершенные посягательства;

4. Властно-распорядительный характер, иначе говоря, решение об их применении принимается уполномоченным должностным лицом в рамках производства по уголовному делу;

5. Комплексный (процессуальный и внепроцессуальный) характер, свидетельствующий, что меры могут реализовываться как в рамках уголовно-процессуальной деятельности, так и за ее пределами, что особенно важно для ликвидации посткриминального воздействия;

6. Доказательственно-обеспечительная функция, то есть их применение создает необходимые условия для получения доказательств и осуществления правосудия, защищая участников процесса от незаконного давления;

7. Правообразующий эффект, констатирующий, что применение мер порождает особый комплекс взаимных прав и обязанностей для защищаемого лица и государственных органов¹.

Таким образом, на основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать общее определение мер безопасности применительно к уголовному судопроизводству. Итак, меры безопасности – это основанная на властном решении уполномоченного субъекта, строго регламентированная законом система превентивных процессуальных и внепроцессуальных действий, средств и методов государственной защиты, направленная на предупреждение реальных угроз жизни, здоровью, имуществу и законным интересам участников уголовного процесса, а также на создание условий для беспрепятственного осуществления правосудия. Данное определение, отражающее межотраслевую природу, комплексный характер и процессуальную обусловленность института, служит фундаментальной теоретической основой для последующего детального исследования

¹ Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 207.

процедурных аспектов его реализации, включая основания, субъектный состав, процессуальный порядок применения и контроля.

Также важно отметить, что многообразие научных классификаций мер безопасности служит важным инструментом для детального анализа их сущностных качеств, целей и механизмов применения. Существующие типологии, предложенные различными авторами, позволяют систематизировать меры по широкому спектру оснований. А именно:

- по периоду возникновения и применения¹;
- по нормативному источнику закрепления²;
- по преследуемым целям³ и др.

Это концептуальное многообразие не является случайным, поскольку оно отражает комплексный и многоаспектный характер самого института, способного охватывать различные стадии и сферы уголовного судопроизводства. Однако для целей настоящего исследования особый интерес представляет разграничение мер на процессуальные (регламентированные уголовно-процессуальным законом) и внепроцессуальные (установленные специальными законами о государственной защите).

Центральным нормативным положением для процессуальных мер безопасности является ч. 3 ст. 11 УПК РФ, содержащая исчерпывающий перечень уголовно-процессуальных мер безопасности:

- исключение из протокола следственного действия данных о личности потерпевшего, его представителя и свидетеля (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);
- производство контроля и записи телефонных переговоров по письменному заявлению защищаемых лиц (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);
- предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

¹ Брусницын Л.В. Указ. Соч. С.130.

² Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... док. юрид. наук. М., 1999. С. 343.

³ Мишин А.В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: монография / под ред. В.Н. Григорьева. М., 2023. С. 15.

- проведение закрытого судебного разбирательства в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, их близких родственников, родственников и близких лиц (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ);
- допрос свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение без оглашения подлинных данных о его личности (ч. 5 ст. 278 УПК РФ)¹.

Применение данных мер, с одной стороны, выступает практической реализацией конституционных принципов и гарантий безопасности личности, а с другой, – неизбежно затрагивает баланс уголовно-процессуальных прав участников, зачастую создавая дополнительные преимущества для обвинения. Это формирует определенные противоречия между эффективностью защиты свидетелей и обеспечением права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, включая право на очную ставку и перекрестный допрос.

Так, анализ судебной практики демонстрирует, что ключевой проблемой является не само существование института анонимности, а соблюдение процедурных гарантий при его применении. Суды последовательно указывают на недопустимость формального подхода, иначе говоря, показания, данные под псевдонимом, признаются допустимыми лишь при условии, что личность свидетеля известна суду и стороне защиты имеет возможность оспорить достоверность показаний, не раскрывая конфиденциальных данных. Нарушения же процедуры опознания зачастую ведут к признанию доказательств как недопустимые². Также серьезным препятствием остается недостаточное материально-техническое оснащение судов, вынуждающее прибегать к подручным методам, что ставит под сомнение саму возможность обеспечения надлежащих условий.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноябр. 2001 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. // Рос. газ. – 2001. – 22 дек.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2022 № 8-УД22-7-А1[Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=723320&cacheid=7C588C8F56FD472E8A3A803193C12E59&mode=splus&rnd=MfNHpg#tnCmVAUaQEaxnXL51> (дата обращения: 20.11.2025).

Так, Заднепровский районный суд г. Смоленска исключил протокол опознания из числа допустимых доказательств по двум ключевым основаниям. Во-первых, перед процедурой опознающий не был допрошен о приметах и особенностях внешности обвиняемого, что является обязательным требованием. Во-вторых, в протоколе отсутствовала ссылка на ч. 8 ст. 193 УПК РФ, регламентирующую порядок проведения данного следственного действия. Суд счел, что данные нарушения лишают протокол доказательной силы, так как без предварительного описания примет неясны основания для опознания¹. В связи с вышеуказанным фактором существует риск ложного опознания лица или какой-либо иной фальсификации результатов процедуры опознания.

Международная практика выработала строгие критерии допустимости использования анонимных свидетелей, которые могут быть адаптированы в отечественной правоприменительной практике:

- законность и обоснованность цели (наличие реальной, объективно подтвержденной угрозы);
- пригодность и необходимость избранной меры (невозможность достичь цели менее ограничивающими права способами);
- соразмерность ограничений (сохранение возможности для стороны защиты эффективно оспаривать показания)².

Ключевым принципом, вытекающим из этого подхода, является недопустимость постановки обвинительного приговора, основанного исключительно или в решающей степени на показаниях анонимных свидетелей, а также возложение бремени доказывания необходимости таких мер на государство.

¹ Приговор Заднепровского районного суда города Смоленска от 04.10.2023 по делу № 1-286/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=g6&req=doc&cacheid=14285D48B424408058E4AC9283DF1803&mode=backrefs&rnd=wDZxBA&base=AOCN&n=13621426#bhnmcBUk41r1cX3g> (дата обращения: 26.11.2025).

² Ван Мехелен (Van Mechelen) и другие против Нидерландов (жалобы № 21363/93, 21364/93, 21427/93 и 22056/93): постановление ЕСПЧ от 23.04.1997 [рус. (извлечение), англ.] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=10794&ysclid=luomcz62ux713193098#9FJgC9UUVq6HUA6P5> (дата обращения: 20.11.2025).

Важно отметить, что процессуальные меры безопасности не исчерпываются ст. 11 УПК РФ, будучи рассредоточенными по различным правовым институтам (например, особый порядок судебного разбирательства, меры пресечения с элементами ограничения контактов)¹. Это свидетельствует об их инструментальном характере по отношению к различным уголовно-процессуальным процедурам.

Таким образом, несмотря на отсутствие легального определения и избыточное множество доктринальных классификаций, процессуальные меры безопасности представляют собой строго формализованный, властно-распорядительный инструмент. Их эффективное применение требует индивидуального подхода в каждом конкретном случае с учетом принципа соразмерности, обеспечения прав защиты и недопустимости подмены состязательного процесса. Исключительно при таком подходе институт мер безопасности сможет выполнять свою функцию по защите участников процесса и обеспечения основ судопроизводства.

§ 2. Порядок применения мер безопасности к участникам уголовного процесса: процессуальные аспекты

Раскрыв в предыдущих разделах теоретические и классификационные аспекты института мер безопасности, необходимо перейти к ключевому элементу механизма реализации. Данный механизм можно представить в виде устройства, где рычагом, приводящим всю систему в действие, выступают повод и основание для применения мер государственной защиты. Так, их

¹ Так, например, в качестве отдельных процессуальных мер безопасности можно рассматривать заключение под стражу обвиняемого на основании его потенциальной возможности угрозы безопасности участникам процесса (п.3 ч.1 ст.97 УПК РФ) ; выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (п.4 ч.1 ст.154 УПК РФ) ; недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ч.2 ст.161 УПК РФ) ; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст.185 УПК РФ); меры уголовно-процессуального принуждения ; изменение территориальной подсудности уголовных дел (ч. 4 ст. 35 УПК РФ) и др.

установление представляет собой начальную и критически важную стадию, на которой уполномоченный субъект, анализируя совокупность правовых условий, определяет наличие или отсутствие необходимости в защите участника уголовного судопроизводства. При этом решение должно отвечать требованию достаточности, базируясь на достоверной информации, которая может быть получена как в рамках оперативно-розыскной деятельности, так и в процессе следственных действий или судебного заседания.

В доктрине отсутствует единое понимание сущности повода. Так, А.Ю. Епихин и А.В. Мишин придерживаются широкой трактовки, полагая, что поводом может служить любая информация, содержащая сведения о посягательстве или намерении такового совершить в связи с участием лица в уголовном производстве¹. Данная позиция созвучна подходу Л.В. Брусницына, который рассматривал повод в двух основных значениях²:

- непосредственное заявление (письменное или устное) защищаемого лица или его законного представителя³;
- информация, выявленная уполномоченными субъектами (следователем, дознавателем, судом) в ходе процессуальной или оперативно-розыскной деятельности⁴.

¹ Епихин А.Ю., Мишин А.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учеб. пособие. Казань, 2018. С. 68.

² Брусницын Л.В. Указ. Соч. С. 76.

³ Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» были внесены изменения, которые закрепили основания для применения мер безопасности в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии. Речь идет про письменное заявление его родственников или близких лиц либо их согласие, выраженное в письменной форме.

⁴ В соответствии с частью 2 статьи 18 Закона № 119-ФЗ суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, получив от лица, указанного в частях 1 - 3 статьи 2 настоящего Федерального закона, заявление (сообщение) о необходимости применения мер государственной защиты в связи с угрозой его безопасности, а также с угрозой уничтожения или повреждения его имущества, обязан совместно с органом, осуществляющим меры безопасности, проверить это заявление (сообщение) и в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) принять решение о применении мер безопасности в отношении указанного лица либо об отказе в их применении.

– Противоположную, более узкую точку зрения представляет Ж.А. Тенгизова, которая, основываясь на буквальном толковании ч. 2 ст. 18 Федерального закона № 119-ФЗ, сводит повод исключительно к конкретному заявлению (сообщению) о поступивших угрозах¹. В рамках настоящего исследования необходимо придерживаться широкого подхода.

Практика показывает, что опасность для участника процесса часто выявляется непосредственно правоохранительными органами до получения формального заявления (например, при обнаружении угроз в ходе контроля переговоров). Ограничение повода лишь формальным заявлением может привести к неактуальной защите и создать неоправданные риски. При этом законодательство, однако, устанавливает обязательное требование к письменной форме фиксации повода. Устное заявление или выявленная информация подлежат оформлению в виде протокола следственного действия, судебного заседания или отдельного рапорта. Это требование распространяется и на согласие близких родственников на применение мер, которые могут затронуть их интересы, что подчеркивает принцип правовой определенности и фиксации волеизъявления.

Ключевым элементом, превращающим повод в полноценную предпосылку для защиты, является основание. Согласно ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 119-ФЗ, это «данные о наличии реальной угрозы безопасности защищаемого лица... в связи с участием в уголовном судопроизводстве». Важной этапом в развитии законодательства стала редакция 2017 г., исключившая из диспозиции узкие формулировки «угроза убийства или насилия». Таким образом расширился охват оснований, включив в него современные, зачастую психологические формы давления, а именно: систематическое преследование (сталкинг), анонимные звонки, запугивание через близких, повреждение имущества, угрозы расправой над домашними животными. Такие действия, не

¹ Тенгизова Ж.А. Поводы и основания применения мер безопасности для участников уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 4. С. 220.

всегда подпадающие под конкретные статьи УК РФ, тем не менее создают не менее серьезную угрозы для жизни и здоровья участников уголовного процесса.

В доктрине основание понимается комплексно. Д.О. Широкая рассматривает его как достаточную и достоверную совокупность информации, содержащейся в поводе¹. А.Ю. Епихин выделяет в нем два аспекта:

- фактический (объективное существование или высокая вероятность возникновения реальной угрозы);
- процессуальный (оформленное решение компетентного органа о применении мер защиты)².

Наиболее сложной и дискуссионной категорией здесь выступает «реальность угрозы». Как справедливо отмечает Т.Б. Рамазанов, законодатель не дает ее легального определения, что создает почву для субъективизма в правоприменении. Особую сложность представляют латентные угрозы, когда потенциальный преступник не высказывает прямых угроз, но его действия, связи и поведение формируют объективное ощущение опасности³. Отсутствие четких методик выявления таких угроз является серьезным пробелом.

Для преодоления этой неопределенности представляется целесообразным использовать апробированные криминологические и уголовно-правовые критерии. Так, адаптированный для целей защиты участников процесса подход, основанный на разработках Л.В. Сердюка применительно к ст. 119 УК РФ, может включать оценку:

1. Причин, порождающих угрозу. Ключевым фактором является роль лица в уголовном деле, а именно источник изобличающей информацией, статус ключевого свидетеля или потерпевшего. Примером служит Кассационное

¹ Широкая Д.О. Проблемы применения мер безопасности на стадии возбуждения уголовного дела // Студенческий: электрон. науч. журн. 2019. № 19(63). С. 77.

² Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород. 2004. С.263.

³ Рамазанов Т.Б., Раджабов Р.О. Фактическое основание угрозы как обязательная предпосылка применения мер безопасности участников уголовного процесса // Юридический вестник ДГУ. 2019. № 2. С. 148.

определение Судебной коллегии. Суд постановил допросить свидетельницу по делу Арабиевой А.О. (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ) под псевдонимом «Ш.» на основании ст. 278 УПК РФ. Основанием для такого решения послужили обоснованные опасения свидетельницы за свою жизнь, поскольку обвиняемая угрожала ей физической расправой после отказа выехать в Сирию¹.

2. Внешней активности проявления угрозы. Учитывается не только прямое высказывание, но и совокупность действий: слежка, анонимные сообщения, демонстративная осведомленность о частной жизни защищаемого лица. Так, в приговоре Оренбургского областного суда от 13.11.2020 по делу № 11-108/2020 указано применение мер безопасности, включая охрану жилища свидетелей, изменение маршрутов их передвижения, обеспечение конфиденциальности данных о защищаемых лицах в связи с высказыванием подсудимым в отношении свидетелей угроз убийством с целью изменения показаний и воспрепятствования правосудию. Так, процессуальные меры безопасности реализованы в соответствии с УПК РФ, а именно участие в следственных действиях с обеспечением конфиденциальности личных данных (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), контроль телефонных переговоров для выявления угроз (ч. 2 ст. 186 УПК РФ), проведение очных ставок в особом порядке (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), закрытое судебное заседание (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), допрос свидетелей в условиях, исключающих визуальное наблюдение их подсудимым (ч. 5 ст. 278 УПК РФ)².

3. Наличие у источника угрозы реальной возможности ее осуществить. Оцениваются связи обвиняемого или заинтересованных лиц с криминальной средой, их ресурсы, поведение. Угроза, исходящая от организованной преступной группы, должна оцениваться иначе, чем угроза, высказанная в

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2022 № 222-УД22-29-А6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=725248&cacheid=F8E252464C4CA2D29A0A5F9E11F8E91A&mode=splus&rnd=MfNHpg#xVCIVAUndn0Sqo9M7> (дата обращения: 20.11.2025).

² Приговор Оренбургского областного суда от 13.11.2020 по делу № 11-108/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 26.11.2025).

эмоциональном порыве без подкрепления возможностями. Так, Чудовский районный суд Новгородской области от 24.09.2024 по делу № 1-57/2024 приговорил, сохранить применение в отношении Свидетеля 1 мер безопасности до принятия по ним решения в порядке, предусмотренном ст. 20 Федерального закона от <дата скрыта> № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹.

Третьим ключевым критерием, лежащим в основе применения мер государственной безопасности, выступает прямая взаимосвязь угрозы (актуальной или потенциально возможной в будущем) с особым публично-правовым статусом лица, обусловленным его функцией содействия уголовному правосудию. Важно подчеркнуть, что данный охранительный статус и, соответственно, право на защиту могут сохраняться за лицом и после формального окончания уголовного процесса, что подчеркивает длящийся характер обязанности государства по обеспечению безопасности.

Процессуальная регламентация применения мер безопасности закреплена в ст. 18 Федерального закона № 119-ФЗ. Центральным элементом этой процедуры является проверка достоверности и достаточности сведений, содержащихся в заявлении о предоставлении защиты. После поступления такого заявления уполномоченные на принятие решения субъекты (например, следователь, дознаватель, суд) совместно с органами, осуществляющими меры безопасности (например, органы внутренних дел), обязаны провести проверку. Однако диспозиция ч. 2 ст. 18 подвергается в юридической доктрине аргументированной критике, поскольку допускает неоднозначное толкование. В частности, речь идет о том, что норма предполагает возможность проведения проверки как совместно, так и самостоятельно следователем или органом

¹ Приговор Чудовского районного суда Новгородской области от 24.09.2024 по делу № 1-57/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://novgorodski-nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=64701203&case_uid=9ca6bf8d-26d9-4f96-a152-a7992f60646f&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 26.11.2025).

дознания, что при буквальном прочтении может нивелировать идею коллегиальной оценки рисков и создать условия для необъективности¹.

Наибольшие дискуссии вызывает установленный законом срок проведения данной проверки. По общему правилу на нее отводится трое суток, а в случаях, не терпящих отлагательства, предписывается действовать немедленно.

Поправки 2017 г. ввели возможность продления этого срока по мотивированному ходатайству органа, осуществляющего защиту, до 30 суток. На наш взгляд, ни трехсуточный, ни продленный сроки не соответствуют критерию эффективности и оперативности в ситуации, когда существует реальная и непосредственная угроза жизни и здоровью. Ситуация, в которой заявитель может стать жертвой посягательства в период формальной трехдневной проверки наглядно демонстрирует системный недостаток данного регулирования. К тому же данная проблема находит отражение и в практике Европейского Суда по правам человека, который в постановлении по делу «Гонгадзе против Украины» указал на позитивную обязанность государства оперативно реагировать на подобные обращения для обеспечения права на жизнь². Для сравнения, законодательство ряда государств СНГ (Республик Казахстан, Кыргызстан, Армения) устанавливает максимальный срок проверки в 24 часа, что представляется более адекватным для экстренных случаев³.

¹ Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В. Указ. соч. С. 79.

² Постановление ЕСПЧ от 02.08.2006 по делу Гонгадзе против Украины (жалоба № 34056/02) [Электронный ресурс]. URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2022/04/CASE-OF-GONGADZE-v.-UKRAINE.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

³ О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе: закон Республики Казахстан от 5 июля 2000 года № 72-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.03.2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000072_ (дата обращения: 27.11.2025); О защите прав участников уголовного судопроизводства: закон Кыргызской Республики от 16 августа 2006 года № 170 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1961/edition/1220516/ru?ysclid=luoneirkcw165578021> (дата обращения: 30.11.2025); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=68011> (дата обращения: 30.11.2025).

Результаты, установленные по итогам проверки, фиксируются в письменном виде, и на их основе выносится мотивированное постановление (определение) о применении мер безопасности или об отказе. Его копия в день вынесения направляется заявителю, который наделен правом на обжалование отказа. Закон предусматривает специальный сокращенный 24 часовой срок рассмотрения такой жалобы, подаваемой в порядке ст. 124 или 125 УПК РФ. Однако на практике возникают сложности, связанные с обжалованием решений лицами, чьи анкетные данные уже засекречены. В частности, речь идет о том, что использование псевдонима делает жалобу формально анонимной, а раскрытие подлинной личности противоречит самой цели защиты. Кроме того, в отличие, например, от законодательства Кыргызстана (10 дней) или Армении (5 дней), отечественный закон не устанавливает конкретного срока для подачи такой жалобы, что создает правовую неопределенность.

При положительном решении между государством и защищаемым лицом оформляется договор (ч. 6 ст. 18 Федерального закона № 119-ФЗ), детализирующий условия и меры защиты. Данная норма носит отсылочный характер, так как конкретный порядок заключения договора определяется ведомственными актами органов-исполнителей.

Значительным шагом стали поправки 2017 г., существенно усовершенствовавшие процедуру отмены мер безопасности. В частности, был расширен круг субъектов, имеющих право инициировать отмену (включены органы, осуществляющие защиту), установлен четкий трехсуточный срок рассмотрения соответствующего ходатайства, а также детализирован порядок действий при приостановлении предварительного следствия (частичная или полная отмена, продолжение мер). Эти изменения устранили ранее существовавшие пробелы, приводившие на практике к волоките и правовой неопределенности.

Таким образом, несмотря на заметное совершенствование процедурных механизмов, особенно в части отмены защиты, действующее регулирование

применения мер безопасности, а также установленные сроки проверки требуют дальнейшей оптимизации. Цель такой оптимизации заключается в достижении подлинного баланса между административной целесообразностью, необходимостью проверки данных и обязанностью безотлагательного реагирования на реальные угрозы в отношении лиц, содействующих правосудию.

§ 3. Особенности правового регулирования мер безопасности в зарубежном уголовном процессе

Компаративный анализ зарубежных правовых систем в сфере защиты участников уголовного судопроизводства представляет существенный научный и практический интерес, поскольку позволяет выявить наиболее эффективные правовые конструкции, спрогнозировать потенциальные проблемы и определить векторы развития отечественного законодательства. Сравнительно-правовое исследование показывает, что государства условно можно разделить на те, которые отдают приоритет процессуальным мерам безопасности, и те, где преобладает внепроцессуальный характер защиты. В рамках настоящего исследования подробному анализу подверглись правопорядки, относящиеся к первой группе, ярким примером которой является законодательство Королевства Испания.

В Испании основу специальной защиты составляет Органический закон № 19/1994 от 23 декабря 1994 г. «О защите свидетелей и экспертов по уголовным делам»¹. Его правовой фундамент формируют конституционные гарантии неприкосновенности личности, права на свободу и безопасность (ст. 15, 17.1 Конституции), сбалансированные с принципом справедливого

¹ О защите свидетелей и экспертов по уголовным делам» (Ley Orgánica 19/1994): органический закон от 23.12.1994 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1994-28510> (дата обращения: 01.12.2025).

судебного разбирательства, включающим право обвиняемого на очную ставку со свидетелями (ст. 24.2 Конституции)¹.

Таким образом, закон изначально был призван разрешить проблему между необходимостью обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, и соблюдением процессуальных прав обвиняемой стороны. Конституционная обязанность всех граждан и институтов власти сотрудничать с правосудием (ст. 118 Конституции), подкрепленная нормами УПК Испании, предусматривающими санкции за неявку или отказ от дачи показаний (ст. 410, 420, 463 УПК Испании), создает для свидетеля правовую проблему². С одной стороны, он обязан свидетельствовать под угрозой штрафа или уголовного преследования, с другой, подвергается реальной опасности со стороны преступных элементов. По этому закон № 19/1994 призван смягчить эту проблему, обеспечивая безопасность и тем самым поощряя сотрудничество с правосудием.

Ключевые положения испанского закона структурно компактны (всего четыре статьи) и носят рамочный характер. Статья 1 определяет круг защищаемых лиц, который после поправок 2015 г. включает свидетелей, экспертов, потерпевших, а также их супругов, близких родственников и лиц, состоящих в фактических брачных отношениях. В сравнении со ст. 2 российского Федерального закона № 119-ФЗ данный перечень является более узким, что ограничивает потенциальный охват государственной защиты.

Полномочия по применению мер безопасности распределены между различными субъектами. Следственный судья, руководствуясь оценкой степени риска, уполномочен санкционировать следующие процессуальные меры:

- сохранение в тайне личных данных защищаемого лица;
- присвоение псевдонима (шифра);

¹ Конституция Королевства Испании 1978 года (Constitución Española) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/legislacion/documentos/ConstitucionCASTELLANO.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Испании (Código Procesal Penal) [Электронный ресурс]. URL: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/codigo.php?id=334&modo=2¬a=0&tab=2 (дата обращения: 01.12.2025).

– дачу показаний без визуальной идентификации (ст. 2).

Правоохранительные органы, в свою очередь, могут запрещать фото- и видеосъемку, обеспечивать полицейское сопровождение и охрану как в ходе процесса, так и после его окончания при сохранении угрозы, предоставлять служебный транспорт и изолированные охраняемые помещения (ст. 3). В исключительных случаях возможно предоставление новых документов, удостоверяющих личность, финансовая помощь для смены места жительства или работы.

Несмотря на логичную правовую конструкцию, главным системным недостатком испанской модели является её незавершенность. Дополнительное положение к закону обязывало Правительство Испании в течение года принять детализирующие подзаконные акты для его практической реализации. Однако, как отмечается в Постановлении Верховного Суда Испании № 384/2016 от 05.05.2016, эта задача до сих пор не выполнена. Отсутствие необходимой правовой базы привело к тому, что закон был охарактеризован Верховным Судом как «устаревший» и «номинально действующий», что порождает правовую неопределенность, неоднородную судебную практику, что снижает эффективность защиты.

В уголовном судопроизводстве Индии свидетель традиционно занимает центральное место как ключевая фигура в установлении истины. Верховный суд Индии неоднократно подчеркивал эту особую роль, отмечая в решении по делу Сваран Сингх против Штата Пенджаб (1957 г.), что свидетели исполняют важнейший общественный долг, оказывая суду помощь в вынесении справедливого вердикта¹. Однако эффективность отправления правосудия напрямую зависит от готовности свидетелей давать правдивые показания. В своем знаковом решении по делу Mahendra Chawla and Ors. v. Union of India and Ors. (2019 г.) Верховный суд констатировал, что одной из основных причин лжесвидетельства и изменения показаний свидетелями в суде является

¹ Swaran Singh v. State of Punjab AIR 2000 SC 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://indiankanoon.org/doc/331677/> (дата обращения 16.12.2025).

отсутствие действенной государственной защиты от запугивания и мести. Хотя уголовное законодательство Индии содержит санкции за принуждение к даче ложных показаний (ст. 195-А Уголовного кодекса) и за угрозы или насилие в отношении свидетелей (п. 22 Закона «О предотвращении незаконной деятельности» 1967 г.), эти нормы носят преимущественно карательный, а не превентивно-охранительный характер, что на практике, очевидно, не обеспечивают должной безопасности¹.

Долгое время в Индии отсутствовала единая национальная система защиты свидетелей. Первый общегосударственный правовой акт в этой области признана «Схема защиты свидетелей» (Witness Protection Scheme), которая была утверждена Верховным судом и введена в действие лишь в 2018 г. До этого вопросы безопасности свидетелей регулировались исключительно законами отдельных штатов, что создавало правовую фрагментарность. Примечательно, что, несмотря на непосредственное появление общеиндийского закона, региональное законодательство в некоторых аспектах считается более предпочтительным, так как оно способно учитывать местную специфику и оперативно реагировать на вызовы конкретного региона.

Индийская «Схема защиты свидетелей» вводит дифференцированный подход, классифицируя свидетелей по степени угрозы на три категории:

1. Свидетели и члены их семей, в отношении которых существуют постоянные и реальные угрозы физической расправы на протяжении всего судебного процесса;
2. Свидетели, чьи имущественные интересы или репутация находятся под серьезной угрозой в связи с их участием в деле;
3. Свидетели, подвергающиеся преследованию или давлению со стороны обвиняемых или связанных с ними лиц.

¹ Закон 1967 года «О предотвращении незаконной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://www.indiacode.nic.in/show-data?abv=CEN&statehandle=123456789/1362&actid=AC_CEN_5_23_00001_196737_1517807318055&orderno=25&orgactid=AC_CEN_5_23_00001_196737_1517807318055 (дата обращения 12.12.2025).

Кроме того, схема предусматривает создание специального Фонда защиты свидетелей (п. 4), призванного покрывать расходы, связанные с реализацией охранных мер, что является важным шагом для обеспечения финансовой жизнеспособности программы.

Китайская Народная Республика представляет собой еще один пример правопорядка, в котором меры безопасности для участников процесса имеют ярко выраженный процессуальный характер и адаптированы непосредственно в уголовно-процессуальном законодательстве. Основные положения, регулирующие данный правовой институт, сосредоточены в статьях 61-65 Уголовно-процессуального кодекса Китайской Народной Республики. Обязанность граждан давать свидетельские показания закреплена в ст. 60 УПК Китая, а ст. 61 возлагает обязанность по обеспечению безопасности свидетелей и их близких родственников на народные суды, прокуратуры и органы общественной безопасности¹.

Однако ст. 62 УПК Китайской Народной Республики устанавливает существенные ограничительные рамки для применения защитных мер. Во-первых, они допустимы только по делам о преступлениях против государственной безопасности, террористического характера, связанных с наркотиками и организованной преступностью. Во-вторых, меры могут быть применены лишь при наличии реальной угрозы личной безопасности участника процесса или его близких родственников вследствие дачи показаний. Перечень мер является открытым и включает такие процессуальные инструменты, как непосредственно сохранение в тайне личных данных, дача показаний с исключением визуальной идентификации человека, запрет на контакты с защищаемым лицом, особые меры охраны личности и жилища.

Таким образом, китайская модель изначально характеризуется узкой сферой применения. В частности, речь идет о том, что защита активируется

¹ Уголовно-процессуальный кодекс КНР (中华人民共和国刑事诉讼法) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/flfg/2012-03/17/content_2094354.htm (дата обращения: 02.12.2025).

только для строго очерченного круга особо опасных преступлений и распространяется лишь на самих свидетелей и их ближайших родственников (супруги, родители, дети, братья и сестры), исключая иных близких лиц, сожителей или друзей. Этот ограничительный подход критикуется в самой китайской юридической доктрине. Исследователи нередко указывают на проблему финансирования, эффективность которого зависит от возможностей местных бюджетов, что создает неравенство в реализации защиты в разных регионах. Кроме того, констатируется недостаточная эффективность механизма, отмечая, что явка свидетелей в суд остается крайне низкой (не превышает 10%), несмотря на наличие уголовной ответственности за месть свидетелю по ст. 308 УК Китая. Данная норма также считается пробельной, так как не предусматривает ответственности за посягательства на родственников свидетеля.

Осознание системных проблем привело к инициативам по реформированию. Еще в 2016 г. в совместном заключении ключевых правоохранительных и судебных органов Китайской Народной Республики была поставлена цель усовершенствовать механизм защиты свидетелей, создать систему выделения специальных средств для компенсации их расходов и развивать институт обязательной явки. Однако, как отмечается, защитные меры по-прежнему не выполняют в полной мере своих задач. Критика сводится к нескольким пунктам:

1. Меры носят преимущественно узкоотраслевой (уголовно-процессуальный) характер и не обеспечивают комплексную защиту репутации, психического состояния или имущества свидетеля;

2. Их применение зачастую ограничивается лишь стадией судебного разбирательства (например, путем рассмотрения дела в закрытом режиме) и не

сопровождает участника уголовного процесса на всех досудебных и последующих этапах¹.

Следовательно, опыт Китайской Народной Республики иллюстрирует модель, где институт защиты свидетелей формально закреплён в процессуальном кодексе, но его практическая эффективность существенно нивелируется из-за жестких законодательных ограничений по кругу дел и защищаемых лиц, недостатка подзаконного регулирования, разграничивающего полномочия ведомств, финансовой зависимости от регионов и узко понимаемого охвата самих мер безопасности участников процесса.

В уголовно-процессуальном законодательстве Федеративной Республики Германия закреплена обязанность свидетелей давать показания обо всех обстоятельствах, которые стали ему известны (п.1 ст. 48 УПК ФРГ), за исключением случаев, предусмотренных статьями 52-55 УПК ФРГ. Безусловно, при существовании таких условий свидетели могут подвергаться опасности со стороны преступников, по этой причине в Германии действуют положения, регламентирующие защиту участников уголовного судопроизводства.

Специализированные законы о предоставлении государственной защиты участникам по уголовным делам в Германии действуют с середины 1980-х годов. Следует отметить, что разработка и принятие вышеупомянутых законов были осуществлены в рамках проводившегося в Германии того времени исследования по виктимологии и роли потерпевшего в уголовном судопроизводстве, о чем неоднократно было написано в юридической литературе немецкими правоведами. В этом же контексте был создан и принят Закон о защите свидетелей от 30.04.1998 года (далее – Закон о защите свидетелей ФРГ). Положения данного закона были в большей мере посвящены безопасности свидетелей во время осуществления допроса или оглашения свидетельских показаний. Так, в соответствии со ст. 10 Закона о защите

¹ Bingqiao Yao. On the Perfection of the System of Witness Protection in Criminal Procedure in China (论我国刑事诉讼证人保护制度的完善) // Dispute Settlement (争议解决). 2023. № 9 (4). С. 1503.

свидетелей ФРГ при проведении уголовного судопроизводства свидетель или иное лицо может не раскрывать информации о своей личности или месте жительства, пребывания, в случае если существуют обстоятельства, дающие повод обоснованно полагать, что раскрытие вышеуказанной информации может привести к негативным последствиям. Более того, предусмотрена возможность оглашения свидетельских показаний в зале судебного заседания без непосредственного участия в нем свидетеля или потерпевшего. Также появилась возможность, предусмотренная ст. 247 УПК ФРГ, регламентирующая право суда удалять обвиняемого из зала судебного заседания во время осуществления допроса свидетеля в случае, если имеются обстоятельства полагать, что при присутствии обвиняемого в зале судебного заседания свидетель откажется говорить правду.

Особенно желаем отметить тот факт, что ответственность по реализации Закона о защите свидетелей в ФРГ возложена на Федеральное управление уголовной полиции, которое имеет право самостоятельно сотрудничать с аналогичными организациями в других странах.

Кроме того, с 1 января 2017 г. в ФРГ действует Закон о психосоциальном сопровождении участников уголовного судопроизводства¹, который внес соответствующие поправки в УПК ФРГ, закрепляющий право на бесплатную психосоциальную поддержку для несовершеннолетних жертв преступных посягательств сексуального или насильственного характера (статья 406g УПК ФРГ).

В Сербии меры безопасности предусмотрены как в положениях Уголовно-процессуального кодекса, так и в нормах отдельных законов. В соответствии с положениями ст. 102 Уголовно-процессуального кодекса Сербии (далее – УПК Сербии) суд является гарантом защиты потерпевших и свидетелей от угроз, оскорблений или иного вида нападения. Исходя из положений ст. 107 УПК

¹ Закон о психосоциальном сопровождении уголовного процесса (Gesetz über die psychosoziale Prozessbegleitung im Strafverfahren (PsychPbG). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/psychpbg/BJNR252900015.html> (дата обращения 06.12.2025).

Сербии «статус защищаемого свидетеля суд может определить, по ходатайству прокурора или самого свидетеля». В качестве процессуальных мер безопасности УПК Сербии предусматривает возможность:

- проведения закрытого судебного разбирательства и запрет на публикацию информации о свидетеле (ст. 106 УПК Сербии);
- проведение допроса свидетеля без раскрытия информации о его личности (ст. 109 УПК Сербии);
- проведение допроса свидетеля с использованием специальных технических средств, позволяющих изменять голос и изображение (ст. 108 УПК Сербии) и др.

С 2005 г. в Сербии действует специальный Закон «О программе защиты участников уголовного процесса»¹. Положения данного закона подробно регламентируют перечень мер безопасности, применяемых к участникам уголовного судопроизводства, порядок включения лица в Программу защиты, основания для продления и прекращения действия мер безопасности и прочие обстоятельства.

Аналогично меры по осуществлению безопасности закреплены в Чешской Республики. В настоящее время защита свидетелей и их близких лиц в Чехии регулируется специальным законом², предполагающий долгосрочную защиту, поскольку краткосрочная закреплена в разделах 2 и 50 Закона «О полиции» (далее – Закон Чехии «О полиции»). В соответствии с разделом 2 Закона «О полиции» на полицию возложена обязанность по защите безопасности людей и имущества, впоследствии цитируемый закон уточняет в данном контексте индивидуальные права и обязанности сотрудника полиции при исполнении служебных обязанностей. Тем не менее, Закон Чехии «О

¹ Закон «О программе защиты участников уголовного процесса» (Zakon o programu zaštite učesnika u krivičnom postupku) [Электронный ресурс]. URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_programu_zastite_ucesnika_u_krivicnom_postupku.html (дата обращения: 06.12.2025).

² Закон Чешской Республики № 137/2001 Сб. «Об особой защите свидетелей и других лиц в связи с уголовным производством и изменениями в законодательстве» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40> (дата обращения: 06.12.2025).

полиции» не содержит каких-либо конкретных положений о защите свидетелей, в связи с чем с этой точки зрения свидетелю можно рекомендовать следующий порядок действий, как при допросе сотрудником ОМОН, так и при допросе сотрудником службы криминальной полиции и розыска. Необходимо отметить, что лица должны быть проинформированы об опасности в порядке, соответствующем их возрасту и умственным способностям, а также ознакомлены с порядком и условиями предоставления специальной защиты и помощи. При этом лица, которым предоставлена специальная защита, обязаны выполнять эти условия в соответствии с указанным законом. Защиту этих свидетелей организует специализированный отдел Президиума полиции Чехии.

Итак, потерпевший от преступления должен убедиться, что в протоколе его показаний в качестве свидетеля указано, какие конкретные обстоятельства указывают на то, что свидетелю или близкому ему лицу грозит опасность причинения конкретного вреда в связи с показаниями, или от какого именно лица. Защищаемое лицо должно иметь при себе уголовное дело и телефонную связь с сотрудником полиции, ответственным за ведение уголовного дела, чтобы свидетель мог связаться с ним в случае опасности, и получить от этого полицейского конкретные инструкции «плана безопасного поведения».

Если свидетель находится в острой опасности и связаться с ответственным сотрудником полиции не удастся, лицо должно немедленно позвонить на линию экстренной помощи полиции, при этом помимо информации, которая требуется оперативному сотруднику, свидетель также должен сообщить номер уголовного дела и номер телефона сотрудника полиции, в чьем производстве находится дело для того, чтобы оперативный сотрудник мог проконсультироваться с ним о дальнейших действиях, направленных на защиту лица, находящегося в опасности.

Свидетель имеет право на то, чтобы в протоколе его показаний был указан адрес доставки по его выбору, а не адрес, по которому он фактически находится. Затем почта доставляется по адресу доставки (например, повестки, решения). Целесообразно, если свидетель сообщит полиции номер телефонной

линии, который не будет включен в уголовное дело. Полицейский орган может использовать его на тот случай, если узнает об опасности, которой грозит свидетелю.

Если правоохранительный орган установит, что свидетелю угрожает опасность в связи с пребыванием обвиняемого или осужденного на свободе, он обязан сообщить ему, что он имеет возможность запросить информацию об освобождении обвиняемого из-под стражи (см. ст. 103a/1, 2 Уголовного кодекса Чехии).

Проведенный компаративный анализ правовых систем Испании, Индии, Китая и Германии позволил выявить ключевые модели и тенденции в сфере защиты участников уголовного судопроизводства. Исследование подтвердило условное разделение государств на процессуальные и внепроцессуальные меры безопасности.

Кроме того, анализ показал, что эффективность системы защиты не определяется лишь фактом ее законодательного закрепления. К общим проблемам, снижающим результативность даже развитых правовых конструкций, относят нормативную незавершенность, жесткие ограничительные рамки, финансовую и организационную зависимость и др.

В качестве положительных векторов развития можно выделить формирование комплексных национальных программ, сочетающих процессуальные и организационные меры, введение дифференциации рисков и категорий защищаемых лиц, закрепление специализированного ответственного органа, а также расширение защиты за счет психосоциального сопровождения.

Таким образом, зарубежный опыт демонстрирует, что для создания действенного механизма безопасности необходимо преодолеть ведомственную разобщенность, обеспечить адекватное финансирование и детальную правовую регламентацию, распространив защиту на все стадии уголовного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование эволюции и современного состояния института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в России и за рубежом позволяет сформулировать следующие основные выводы и предложения.

Так, институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства представляет собой комплексный межотраслевой правовой механизм, направленный на защиту жизни, здоровья, достоинства и имущества лиц, содействующих правосудию, от преступных посягательств и незаконного давления. Его формирование и развитие в России стали ответом на вызовы организованной преступности 1990-х годов и объективной необходимостью реализации конституционных принципов, гарантирующих права человека, справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию.

Теоретико-правовые основы института имеют глубокие корни как в международном праве, так и в национальном конституционном строе. Международные стандарты, закрепленные в универсальных и региональных актах, создают универсальную базу, обязывающую государства обеспечивать эффективную защиту участников уголовного процесса. Однако успешная имплементация этих стандартов зависит от их адаптации к национальной правовой культуре и социальному контексту. Так, Конституция Российской Федерации, провозгласившая права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2), гарантии судебной защиты (ст. 46) и принципы состязательности, равноправия сторон (ч. 3 ст. 123), выступает системообразующим фундаментом для всего законодательства в данной сфере. При этом безопасность участника процесса является не технической мерой, а необходимым условием реализации его фундаментальных конституционных прав.

Кроме того, законодательная база института в России прошла значительную эволюцию, увенчавшись принятием Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей

и иных участников уголовного судопроизводства». Данный закон заложил основы комплексной системы, включающей непроцессуальные меры безопасности. При этом в ходе анализа данных мер безопасности был выявлен, ряд проблем, связанных с отсутствием легального определения «мер безопасности» и их смешение со смежными понятиями («меры защиты», «меры обеспечения»), установлением законом сроков проверки заявления о предоставлении защиты (до 3, а в исключительных случаях – до 30 суток), которые не соответствуют требованию оперативности при наличии реальной и непосредственной угрозы применению мер безопасности, с сохранением анонимности свидетеля, что зачастую создает сложности для реализации права защиты на очную ставку и перекрестный допрос, требуя от судов тщательного соблюдения «теста на пропорциональность».

Сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных государств (Испании, Индии, Китая, Германии, Сербии) позволил выявить различные модели регулирования от преимущественно процессуальных (Испания, Китай) до комплексных, сочетающих процессуальные и административно-организационные меры (Германия, Индия). Общими проблемами для эффективности систем защиты в разных странах являются нормативная незавершенность (Испания), жесткие ограничения по кругу дел и лиц (Китай), фрагментарность и финансовая зависимость от регионов. Положительными тенденциями, заслуживающими изучения в российском контексте, являются создание национальных программ с четким финансированием (Индия), дифференциация категорий защищаемых лиц по степени риска (Индия), закрепление единого ответственного органа (Германия), развитие психосоциального сопровождения потерпевших (Германия).

При этом на основе проведенного исследования сформулированы некоторые предложения по совершенствованию института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации, которые станут оптимальным решением многих проблем.

В заключение следует отметить, что эволюция института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в России свидетельствует о современной тенденции защиты права человека. Однако достигнутый уровень требует дальнейшего качественного совершенствования, основанного на синтезе отечественного опыта, положительных зарубежных практик и строгом соблюдении баланса между эффективностью борьбы с преступностью и незыблемостью фундаментальных принципов правосудия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 1 июля 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 1. – Ст. 1.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – 5 апр.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – 8 янв. – Ст. 163.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
5. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 03.10.2025).
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/ (дата обращения: 09.06.2026).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноябр. 2001 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. // Российская газета. – 2001. – 22 дек.

8. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 марта 1995 г. // Российская газета. – 1995. – 25 апр.

9. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 31 июля 2004 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 авг. 2004 г. // Российская газета. – 2004. – 25 авг.

10. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на 2024 – 2028 годы: постановление Правительства РФ от 06.09.2023 № 1454-47 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 38. – Ст. 6901.

11. О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству: закон Республики Башкортостан от 14.10.1994 года № ВС-25/50 [Электронный ресурс]. URL: <https://legislation.su/ru/r02/id4429/> (дата обращения: 12.11.2025).

12. Об утверждении Положения о мерах социальной защиты и материального стимулирования граждан, способствовавших раскрытию преступлений, совершенных преступными организованными группами: распоряжение Правительства Москвы от 28.08.1996 г. № 791 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3601107> (дата обращения: 09.06.2026).

13. О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе : закон Республики Казахстан от 5 июля 2000 года № 72-II (с изм. и доп. по состоянию на 26.03.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0000000072> (дата обращения: 09.06.2026).

14. О защите прав участников уголовного судопроизводства: закон Кыргызской Республики от 16 августа 2006 года № 170 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1961> (дата обращения: 09.06.2026).

15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=68011> (дата обращения: 09.06.2026).

16. Конституция Королевства Испании 1978 года (Constitución Española) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/legislacion/documentos/ConstitucionCASTELLANO.pdf> (дата обращения: 09.06.2026).

17. Уголовно-процессуальный кодекс Испании (Código Procesal Penal) [Электронный ресурс]. URL: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/codigo.php?id=334 (дата обращения: 09.06.2026).

18. О защите свидетелей и экспертов по уголовным делам (Ley Orgánica 19/1994): органический закон от 23.12.1994 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1994-28510> (дата обращения: 09.06.2026).

19. Уголовно-процессуальный кодекс КНР (中华人民共和国刑事诉讼法) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/flfg/2012-03/17/content_2094354.htm (дата обращения: 09.06.2026).

20. Закон о психосоциальном сопровождении уголовного процесса (Gesetz über die psychosoziale Prozessbegleitung im Strafverfahren – PsychPbG) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/psychpbg/> (дата обращения: 09.06.2026).

21. Закон Чешской Республики № 137/2001 Сб. «Об особой защите свидетелей и других лиц в связи с уголовным производством» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40> (дата обращения: 09.06.2026).

22. Закон «О программе защиты участников уголовного процесса» (Zakon o programu zaštite učesnika u krivičnom postupku) [Электронный ресурс]. URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_programu_zastite_ucesnika_u_krivicnom_postupku.html (дата обращения: 09.06.2026).

23. Закон 1967 года «О предотвращении незаконной деятельности» (Индия) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indiacode.nic.in/> (дата обращения: 09.06.2026).

24. Swaran Singh v. State of Punjab AIR 2000 SC 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://indiankanoon.org/doc/331677/> (дата обращения: 09.06.2026).

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Баумгартнер, Э. Участие потерпевших в судопроизводстве Международного уголовного суда / Э. Баумгартнер // Международный журнал Красного Креста. – 2008. – № 870. – С. 277–323.

2. Брусницын, Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование) / Л.В. Брусницын. – Москва: Юрлитинформ, 2001. – 396 с.

3. Епихин, А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.09 / Епихин Александр Юрьевич. – Нижний Новгород, 2004, 460 с.

4. Епихин, А.Ю., Богинский, М.М. Системное содержание уголовно-процессуальных и иных мер безопасности как средство нейтрализации противоправного воздействия на уголовное правосудие / А.Ю. Епихин, М.М. Богинский // Вестник. Государство и право. – 2022. – № 3 (34). – С. 44–54.

5. Епихин, А.Ю., Мишин, А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного судопроизводства / А.Ю. Епихин, А.В. Мишин // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2018. – № 1. – С. 202–211.

6. Епихин, А.Ю., Мишин, А.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учеб. пособие / А.Ю. Епихин, А.В. Мишин. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 152 с.

7. Журба, О.Л., Лысенко, Я.В. Понятие и сущность института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства / О.Л. Журба, Я.В. Лысенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 2. – С. 269–275.

8. Зайцев, О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.09 / Зайцев Олег Александрович. – Москва 1999, 446 с.

9. Зайцев, О.А., Епихин, А.Ю., Мишин, А.В. Процессуальные и криминалистические механизмы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 152 с.

10. Зарипов, Ф.Ф. Понятие, виды и алгоритм применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства / Ф.Ф. Зарипов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 39–35.

11. Зарипов, Ф.Ф. Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Зарипов Фанис Фаварисович. – Саратов, 2021. 37 с.

12. Красильников, А.В. Безопасность участников уголовного судопроизводства: правовое регулирование и субъекты обеспечения / А.В. Красильников // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1 (45). – С. 68–72.

13. Макеева, Н.В. Понятие и классификация мер безопасности участников уголовного судопроизводства / Н.В. Макеева // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2008. – № 1 (15). – С. 115–120.

14. Мишин, А.В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: монография / под ред. В.Н. Григорьева. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – 168 с.

15. Рамазанов, Т.Б., Раджабов, Р.О. Фактическое основание угрозы как обязательная предпосылка применения мер безопасности участников уголовного процесса / Т.Б. Рамазанов, Р.О. Раджабов // Юридический вестник ДГУ. – 2019. – № 2. – С. 146–150.

16. Статья о деле Дж. Ассанжа в газете The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2024/02/19/opinion/julian-assange-extradition-espionage.html> (дата обращения: 09.06.2026).

17. Тенгизова, Ж.А. Поводы и основания применения мер безопасности для участников уголовного судопроизводства / Ж.А. Тенгизова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2017. – № 4. – С. 220–221.

18. Широкая, Д.О. Проблемы применения мер безопасности на стадии возбуждения уголовного дела / Д.О. Широкая // Студенческий: электрон. науч. журн. – 2019. – № 19 (63). – С. 77–79.

19. Шумилова, Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики / Л.Ф. Шумилова // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 54–61.

20. Щедрин, Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография / Н.В. Щедрин. – Красноярск: М-во образования Рос. Федерации. Краснояр. гос. ун-т. Юрид. фак., 2000. – 179 с.

21. Bingqiao Yao. On the Perfection of the System of Witness Protection in Criminal Procedure in China (论我国刑事诉讼证人保护制度的完善) / Yao Bingqiao // Dispute Settlement (争议解决). 2023. № 9(4). С. 1500–1505.

III. Эмпирические материалы

1. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2022 № 8-УД22-7-А1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=723320&cacheid=7C588C8F56FD472E8A3A803193C12E59&mode=splus&rnd=MfNHpg#tnCmVAUaQEaxnXL51> (дата обращения: 09.06.2026).

2. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2022 № 222-УД22-29-А6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=725248&cacheid=F8E252464C4CA2D29A0A5F9E11F8E91A&mode=splus&rnd=MfNHpg#xVCIVAUdn0Sqo9M7> (дата обращения: 09.06.2026).

3. Приговор Оренбургского областного суда от 13.11.2020 по делу № 11-108/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 09.06.2026).

4. Приговор Заднепровского районного суда города Смоленска от 04.10.2023 по делу № 1-286/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=g6&req=doc&cacheid=14285D48B424408058E4AC9283DF1803&mode=backrefs&rnd=wDZxBA&base=AOCN&n=13621426#bhnmcBUk41r1cX3g> (дата обращения: 09.06.2026).

5. Приговор Чудовского районного суда Новгородской области от 24.09.2024 по делу № 1-57/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://novgorodski-nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=64701203&case_uid=9ca6bf8d-26d9-4f96-a152-a7992f60646f&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 09.06.2026).

6. Ван Мехелен (Van Mechelen) и другие против Нидерландов (жалобы № 21363/93, 21364/93, 21427/93 и 22056/93): постановление ЕСПЧ от 23.04.1997

[рус. (извлечение), англ.] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=10794&ysclid=luomcz62ux713193098#9FJgC9UUVq6HUA6P5> (дата обращения: 09.06.2026).

7. Постановление ЕСПЧ от 02.08.2006 по делу Гонгадзе против Украины (жалоба № 34056/02) [Электронный ресурс]. URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2022/04/CASE-OF-GONGADZE-v.-UKRAINE.pdf> (дата обращения: 09.06.2026).

8. Постановление ЕСПЧ от 17.01.2012 по делу «Отман (Абу Катада) (Othman (Abu Qatada) против Соединенного Королевства» (жалоба № 8139/09). По делу обжалуется решение о высылке гражданина в другое государство, где он был заочно осужден за преступления, связанные с заговором с целью организации взрывов. По делу требования статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод нарушены не были. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=288026&ysclid=ltu8t3r9hw51173246#kdVNC7UCKy22vw0f1> (дата обращения: 09.06.2026).

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну

Р.А. Халявин